

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 356–360
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 356–360
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-356-360>, EDN: НХНЈАЛ

Научная статья
УДК [94+81'373.21](474)

Идеология, топонимия, политика памяти: история переименований в странах Балтии

К. А. Зверев

Костромской государственный университет, Россия, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17

Зверев Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>, AuthorID: 808374

Аннотация. В статье анализируются топонимии Эстонии, Латвии, Литвы в исторической ретроспективе и взаимосвязи с местной политикой памяти. Практика смены географических названий осуществлялась и продолжает осуществляться в русле прибалтийской исторической политики и таких ее основополагающих составляющих, как этноцентризм, борьба с последствиями «советской оккупации» и декоммунизация. При этом наиболее однородно последовательно топонимия преобразовывалась в Эстонии и Латвии в силу схожего исторического развития. Динамика изменений литовских географических объектов более специфична из-за наличия опыта собственной государственности в лице Великого княжества Литовского, а также изменения границ в 1939 г.

Ключевые слова: топонимия, политика памяти, историческая политика, Прибалтийские республики, Эстония, Латвия, Литва

Для цитирования: Зверев К. А. Идеология, топонимия, политика памяти: история переименований в странах Балтии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 356–360. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-356-360>, EDN: НХНЈАЛ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ideology, toponymy, politics of memory: The history of renaming in the Baltic countries

К. А. Zverev

Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russia

Kirill A. Zverev, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>, AuthorID: 808374

Abstract. The article presents an analysis of the toponymy of Estonia, Latvia, and Lithuania in historical retrospect and the relationship with local memory politics. The practice of changing geographical names was carried out and continues to be carried out in line with the Baltic historical policy and such fundamental components as ethnocentrism, the fight against the consequences of “Soviet occupation” and decommunization. At the same time, toponymy was transformed most uniformly and consistently in Estonia and Latvia, due to similar historical development. The dynamics of changes in Lithuanian geographical objects are more specific due to the experience of their own statehood in the person of the Grand Duchy of Lithuania, as well as changes in borders in 1939.

Keywords: toponymy, politics of memory, historical politics, Baltic republics, Estonia, Latvia, Lithuania

For citation: Zverev K. A. Ideology, toponymy, politics of memory: The history of renaming in the Baltic countries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 356–360 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-356-360>, EDN: НХНЈАЛ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Географические названия несут в себе значительную мировоззренческую составляющую, так как сопровождают людей на протяжении всей жизни, являясь связующим звеном между человеком, с одной стороны, и страной, городом, улицей или какой-либо конкретной местностью, с другой. Кроме того, часто именно топонимы зашифровывая в себе информацию о прежних владельцах, властителях, жителях той или иной

территории, объекта на ней, являются своеобразными хранителями памяти о прошлом. Разумеется, по обозначенным причинам, правящие элиты стремились оказать воздействие на географические объекты, зафиксировав на местности свое имя и вычеркнув своих оппонентов или предшественников. Не обошла данная практика и Прибалтику, чья топонимия весьма специфична и имеет прямую взаимосвязь с местными

идеологическими установками и политикой памяти.

Предварительно необходимо изложить основы исторического дискурса стран Балтии, оказавшего влияние на местные географические наименования. Так, к характерным чертам прибалтийской государственной исторической линии, сформировавшейся к 1990-м гг., можно отнести апеллирование к тезису о «советской оккупации», *правовому континуитету* (историческая правопреемственность современных Эстонии, Латвии, Литвы по отношению к республикам межвоенного периода), идеализация национальных государств 1920–1930-х гг. и интерпретация всего предшествовавшего периода развития как борьба за свободу и независимость от иностранных угнетателей.

С провозглашением независимости в августе 1991 г. концепция оккупации стран Балтии и континуитет стали преобладающими трендами в Эстонии, Латвии, Литве и выразились в интерпретации периода вхождения в СССР как «советской оккупации», в восстановлении правовой базы довоенных республик и популяризации данного тезиса, в том числе и посредством выпуска тенденциозной научной литературы [1, с. 79–81]. Если концепция оккупации получила свое развитие во всех странах Балтии, то принцип исторического континуитета наиболее последовательно реализовывался в Эстонии и Латвии, где он сказался на правовом положении местного русскоязычного населения (официальные Таллин и Рига отказались от автоматического предоставления гражданства тем, кто прибыл в республики в период «советской оккупации» в 1940–1991 гг. – в подавляющем большинстве – русскоязычным) [2, с. 202–215; 3, с. 70–77]. Литва же в силу более моноэтнического характера, а также значительного изменения границ в советский период (приращение Клайпеды, Вильно) отказалась от исключительного апеллирования к республике межвоенного периода и возвела собственную государственность к Великому княжеству Литовскому [4, с. 3–13].

Однако не следует отождествлять с прибалтийской государственной исторической политикой исключительно тезис о «советской оккупации». Следующим ее важнейшим аспектом, тесно связанным с первым, стал «*принцип этноцентризма*», под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского, латвийского, литовского народов, к государственному строительству, направленным на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульной нации во внутригосударственной жизни республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности. Третьим столпом

местной политики памяти стал *принцип антикоммунизма*, обращенный на развенчание «преступлений коммунизма» против народов Эстонии, Латвии, Литвы.

Данные аспекты исторических воззрений прибалтийского истеблишмента оказали существенное влияние на преобразования в местной топонимии на протяжении последнего столетия.

Так, сведения о географических объектах региона периода до крестовых походов скудны и противоречивы – коренное население не имело собственной письменности и государственности, а значит местные топонимы были зафиксированы лишь в устном народном творчестве – в национальных эпосах – Калевипоег (Эстония), Лачплесис (Латвия), легендах, мифологии. Исключения составляют древнерусские летописи, где зафиксировано основание города Юрьева (Тарту) Ярославом Мудрым, а также сведения о Кольвани (Таллин), возможно о Владимире или Владимирце Ливонском (Валмиера).

Крестовые походы XIII в. привели к подчинению Прибалтийского региона немецким и скандинавским рыцарям, его окатоличиванию и онемечиванию. Новые властители, расселившись на территории современных Эстонии и Латвии, основали собственные города-крепости и имения-мызы, создав новую или переиначив местную топонимию на немецкий манер. На территории Литвы ситуация складывалась иначе, так как было образовано Великое княжество Литовское (ВКЛ), позднее подвергнутое полонизации, способствовавшей сосуществованию литовских и польских вариантов географических названий. Смена властителей и даже вхождение региона в состав Российской империи в XVIII столетии мало затронули местную топонимию, так как не изменился этнический состав населения – немецкое остзейское дворянство и бюргерство в Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, а также полонизированная литовская знать, городские слои в Ковенской, Виленской губерниях продолжали главенствовать в политическом, экономическом и культурном пространстве региона вплоть до революции 1917 г. (этому содействовал и своеобразный автономный статус Эстляндии, Лифляндии в виде особого Остзейского порядка). Лишь короткий период русификации Александра III и Николая II способствовал появлению русского следа в топонимии: Дерпту в 1893 г. было возвращено историческое наименование Юрьев, Динабург в том же году стал Двинском, были изменены на русский манер названия некоторых улиц.

Однако коренные преобразования географических названий произошли в XX столетии. Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская (Освободительная) война привели к утрате привилегированного статуса и главенствующего положения в управлении, экономике

и культуре немецкого населения (в Эстонии и Латвии) и польско-литовской знати (в Литве). Стремление же новых элит к созданию национальных государств с превалированием коренного населения, языка, культуры во всех сферах жизни содействовало и изменениям в топонимии – замене немецких и польских названий на эстонские, латышские, литовские. Так, уже в 1918 – начале 1920-х гг. переименованию подверглись практически все крупные города и населенные пункты (таблица), улицы, географические объекты и ориентиры (реки, озера, лесные массивы). Например, Моонзундский архипелаг и острова, его составляющие, были переименованы на эстонский манер: сам архипелаг стал именоваться Западно-Эстонским, остров Эзель – Сааремаа, Даго – Хийумаа, Моон – Муху, Вормс – Вормси. Новые названия в основной массе являлись либо традиционными, неофициальными наименованиями, бытовавшими в народной традиции коренных жителей (например, Сааремаа – островная земля), либо переименованием на созвучный вариант, буквальным переводом немецких названий (например, Libau –

Либава – Liepāja; или Dünaburg (нем. «замок на Дине, Двине») – Двинск – Daugavpils (лат. «замок на Даугаве»); Wilno – Вильно – Vilnius; и т. д.). В целом к 1930-м гг. процесс переименований завершился, и немецкие топонимы были практически вытеснены эстонскими и латвийскими вариантами; польские топонимы вытеснялись литовскими. Цель первой волны переименований 1920–1930-х гг. была вполне закономерной – избавление от следов иноземного владычества и утверждение национальной государственности, в том числе и в географических названиях. Однако свои коррективы в топонимию внесла Вторая мировая война. Если советские власти после инкорпорации стран региона в состав СССР не касались вопросов топонимии, то нацистская оккупационная администрация в 1941–1944 гг. вернула все немецкие дореволюционные названия городов, улиц, географических объектов [5, с. 99–116; 6, с. 76–86]. С наступлением Красной Армии и освобождением территории Советской Прибалтики последовало возвращение прежних топонимов образца 1930-х гг. Данными действиями советские власти хотели продемонстрировать

Исторические названия городов Эстонии, Латвии, Литвы

Современное название	Русское название	Немецкое (шведское) Польское название
Эстония		
Haapsalu (1918 – н. в.)	Гапсаль (1721–1918)	Hapsal (1270–1918)
Kuressaare (1918–1952; 1991 – н. в.)	Кингисепп (1952–1991)	Arensburg (1154–1918)
Paldiski (1922 – н. в.)	Балтийский Порт (1762–1922)	Rågervik (1718–1762)
Pärnu (1919 – н. в.)	Пернов (1721–1919)	Pernau (1241–1919)
Tallinn (1919 – н. в.)	Колывань (XII–XVIII вв.); Таллин/в Эстонии Таллинн (1919 – н. в.)	Rewal (1154–1919)
Tartu (1919 – н. в.)	Юрьев (1030–1224; 1893–1919)	Dorpat, Dörpt (1224–1893)
Viljandi (1918 – н. в.)	Феллин (1710–1918)	Fellin (1154–1918)
Латвия		
Alūksne (1919 – н. в.)	Алыст или Волыст (XIII в.)	Marienburg (1284–1919)
Cēsis (1918 – н. в.)	Венден (1721–1918)	Wenden (1206–1918)
Daugavpils (1920 – н. в.)	Невгин (XIII–XV вв.); Борисоглебов/Борисоглебск (1656–1667); Двинск (1893–1920)	Dünaburg (1275–1656; 1667–1893)
Jelgava (1919 – н. в.)	Митава (1721–1919)	Mitau (1265–1919)
Liepāja (1918 – н. в.)	Либава (1721–1920)	Libau (1253–1920)
Valmiera (1918 – н. в.)	Владимир; Владимирец Ливонский (XIII–XVI вв.)	Wolmar (1293–1918)
Ventspils (1918 – н. в.)	Виндава (1721–1918)	Windau (1290–1918)
Литва		
Kaunas (1361– н. в.)	Ковно (1795–1917)	Kowno (1361 – н. в.)
Klaipėda (с XV в.; 1923–1939; 1945 – н. в.)	Мемель (1252–1923; 1939–1945)	Memel (1252–1923; 1939–1945)
Ukmergė (1918 – н. в.)	Вилкомир (1475–1917)	Wiikomierz (1333 – н. в.)
Vilnius (1323 – н. в.)	Вильна, Вильно (1361–1917)	Wilno (1323– н. в.)
Visaginas (1992 – н. в.)	Снечкус (1975–1992)	–

принципиально иной подход в национальной политике, основанный на национальной и культурной автономии республик, а не на новом издании русификации или каком-либо тождестве с дореволюционным царским режимом.

Тем не менее новый виток переименований в регионе последовал в послевоенный период конца 1940 – начала 1950-х гг., когда улицы и населенные пункты получили типовые советские названия (по событиям революции 1917 г. или по имени партийных деятелей): поселки и колхозы имени Калинина, Кирова, Ленина, улицы Советская, Октябрьская, Горького и т. д. Однако географические названия остались неизменны с 1930-х гг., русские наименования периода Империи возвращены не были (например, г. Палдиски, именовавшемуся до 1922 г. «Балтийский порт», прежнее название возвращено не было). В целом советская практика переименований была нацелена на популяризацию социалистических идей и являлась составной частью обширной идеологической работы с населением.

С обретением независимости и активизацией деятельности в области государственной исторической политики встал вопрос о возвращении прежних, довоенных названий всем объектам, подвергшимся переименованию в период так называемой «советской оккупации». В результате уже в 1991–1992 гг. улицам, площадям и населенным пунктам Эстонии, Латвии, Литвы были возвращены прежние названия. Но если с существовавшими до 1940 г. объектами было все вполне предсказуемо, то с городскими районами, поселками и городами, появившимися в период существования СССР, возникли сложности – каких наименований придерживаться. Поэтому процесс переименований растянулся на весь период 1990-х гг. и не затронул идеологически нейтральные имена (Бульвар Дружбы, кинотеатр «Космос», улица Пушкина и др.), ограничившись сменой вывесок, прославлявших ведущих партийных деятелей, военачальников и героев периода Великой Отечественной войны или саму КПСС. Так, например, основанный в 1975 г. город-спутник Игналинской АЭС в Литовской ССР Снечкус (названный в честь Первого секретаря Коммунистической партии Литвы в 1940–1974 гг. Антанаса Снечкуса) в 1992 г. был переименован в Висагинас (по названию близлежащего озера и деревни, находившейся на месте города). В целом изменения геокультурного пространства Прибалтики происходили в русле аналогичных процессов других постсоветских стран, отчасти даже являясь менее масштабными, нежели в Средней Азии или Закавказье [5, с. 99–116].

Новый виток переименований в странах Балтии активизировался в 2022 г. в связи с обострением украинского кризиса. В условиях очередной кампании по «декоммунизации» и «дерусификации» только в Риге под переименование попа-

ли 17 улиц, которые «прославляют российских деятелей культуры и коммунистический тоталитарный режим» [цит. по: 7]. Среди таковых оказались улицы Ломоносова, Пушкина, Тургенева, Лермонтова, Пикуля, Келдыша. Всего в Латвии планируется сменить название 95 улиц [5, с. 99–116]. Эстония также объявила о ликвидации все монументы [8] и переименовать все улицы, посвященные Красной Армии и событиям Великой Отечественной войны. Лишь в Нарве в сентябре 2023 г. было переименовано 5 улиц [9], данный процесс продолжился и в 2024 г., но более основательно, с правовой точки зрения, к данному вопросу подошла Литва, где 1 мая 2023 г. вступил в силу специальный закон «О запрете распространения тоталитарных, авторитарных режимов и их идеологий» [10], предписывающий специально учрежденной комиссии по исторической памяти провести десоветизацию общественного пространства в республике. В результате только за один день действия данного закона было объявлено о более чем 20 объектах, нуждающихся в демонтаже или переименовании [11].

В целом практика смены топонимов осуществлялась и продолжает осуществляться в русле прибалтийской политики памяти и таких ее основополагающих составляющих, как этноцентризм (в части доминирования национальной культуры во внутригосударственной жизни республик, а также обеспечения неприкосновенности местной культуры, языка, этнической самобытности), борьба с последствиями «советской оккупации» и декоммунизация. Если первая составляющая в виде этноцентризма является вполне закономерным явлением для всех молодых национальных государств (к числу которых относятся страны Балтии), то тезис о «советской оккупации» и декоммунизации весьма специфичен и применяем избирательно и конъюнктурно. Так, интерпретация советского прошлого как периода оккупации не помешала оставить многие мемориальные комплексы и топонимы в провинции в неизменном виде на протяжении 1990–2000-х гг., а в период обострения отношений с Российской Федерацией вновь обратиться к данной тематике. При этом наиболее однородно, последовательно топонимия преобразовывалась в Эстонии и Латвии в силу схожего исторического развития. Динамика изменений литовских географических объектов более специфична из-за наличия опыта собственной государственности в лице Великого княжества Литовского (ВКЛ), значительной колонизации в последующий период, а также изменения границ в 1939 г. (присоединение Мемеля и Виленской области). Кроме того, в Вильнюсе гораздо раньше, чем в Эстонии и Латвии, произошла институализация местной политики памяти – в 1992 г. был создан Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы – литовский

институт национальной памяти, который и аккумулировал в себе всю государственную политику памяти, в том числе посредством выдвигания различных законодательных инициатив. Именно на данную организацию в 2023 г. была возложена обязанность в том числе и по контролю за десоветизацией литовской городской и сельской топонимии, общественного пространства [10].

Как бы то ни было, топонимия прибалтийских республик зафиксировала в себе основные исторические вехи развития региона и изменение интерпретаций прошлого, являясь составной частью местной исторической памяти.

Список литературы

1. *Зверев К. А.* История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 1. С. 79–81.
2. *Зверев К. А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 202–215.
3. *Зверев К. А.* Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестник Костромского государственного университета, 2020. Т. 26, № 4. С. 70–77. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-70-77>
4. *Зверев К. А.* Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13. <https://doi.org/10.25791/vseist.03.2020.1104>
5. *Калуцков В. Н.* Изменение геокультурного пространства стран ближнего зарубежья XX–XXI вв. (на материале переименования городов) // Псковский регионологический журнал. 2021. Вып. 2 (46). С. 99–116.
6. *Кантор Ю. З.* Территория «Остланд»: «освободительная германизация» // Петербургские военно-исторические чтения: межвузовская научная конференция (Санкт-Петербург, 18 марта 2011 г.) / отв. ред. и сост. А. Б. Николаев. СПб. : ЭлекСис, 2012. С. 76–86.
7. *Иванов Г.* Ничего русского. Как в Прибалтике отменяют «неправильные» названия? // Аргументы и факты. 2022. 29 июля.
8. Valitsuse pressikonverents, 4. august 2022 (Пресс-конференция Правительства Эстонской республики от 4 августа 2022 года) // Eesti Vabariigi Valitsus. URL: <https://www.valitsus.ee/uudised/valitsuse-pressikonverents-4-august-2022> (дата обращения: 30.10.2022).
9. Regionaalministri määruse “Narva linna aadressikohtade uute kohanimede määramine” eelnõu avalikustamine (Публикация проекта постановления регионального министра «Об определении новых топонимов адресов в городе Нарве») // Regionaal- ja Põllumajandusministeerium. URL: <https://www.agri.ee/uudised/narva-kohanimed-08-2023> (дата обращения: 15.02.2024).
10. Lietuvos Respublikos draudimo propaguoti totalitarinius, autoritarinius režimus ir jų ideologijas įstatymas // Lietuvos Respublikos Seimas. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/b80056227d3211edbdceb68a7a0df7e?jfwid=-rhnnontwv> (дата обращения: 15.02.2024).
11. *Баранова Ю.* В Вильнюсе хотят переименовать улицы в рамках десоветизации // Газета.Ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/07/17/20889350.shtml> (дата обращения: 15.02.2024).

Поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024